разумнымъ сознаніемъ другихъ людей. Можно вѣрить въ самостоятельность душевной жизни и безсмертіе души; можно и не вѣрить въ это. Но, коль скоро человѣкъ задается вопросомъ о происхожденіи своего разумнаго сознанія, то, прежде всего, припоминаетъ своихъ предковъ по крови. Если его родители, дѣды и бабки были людьми добродѣтельными, даровитыми, то его наполняетъ чувство радости: его одушевляетъ надежда, что, быть можетъ, онъ унаслѣдовалъ отъ нихъ значительную часть ихъ душевныхъ свойствъ. Если онъ приходитъ къ заключенію, что его ближайшіе или даже отдаленные предки по крови отличались порочными наклонностями или крупными недостатками душевной жизни, то у него является болѣзненное чувство: пожалуй, думаетъ онъ, эти свойства унаслѣдованы имъ и сдѣлаютъ его пасынкомъ судьбы. Безъ сомнѣнія, разумъ подсказываетъ человѣку, что въ его душевной, какъ и тѣлесной жизни есть черты, которыя связываютъ его съ поколѣніями, жившими очень давно. Но эта мысль представляетъ для него и гораздо меньшій теоретическій интересъ, и безконечно меньшую практическую важность, нежели соображенія перваго порядка. Сколько бы ни было неуловимыхъ связей, которыя соединяютъ мое разумное сознаніе съ монголами временъ Батыя или мексиканцами временъ Кортеца, моя душевная жизнь въ ея главныхъ проявленіяхъ будетъ опредѣляться не этими связями, а тѣмъ, напримѣръ, что моя бабка со стороны отца была душевно больная, а прадѣдъ по матери былъ алкоголикъ.

Толстой заблуждается, когда говоритъ о послѣдовательности, въ которой человѣкъ можетъ достигать точныхъ знаній относительно людей и вещей. Вопреки его утвержденію, люди всего легче познаютъ мертвое вещество, которое далеко отъ насъ, и нуждаются въ наибольшемъ напряженіи ума, дабы изучить законы душевной жизни человѣка, которая всегда у насъ на глазахъ. И это понятно. Мертвая природа гораздо проще, нежели царство растеній, животныхъ и, тѣмъ болѣе, душевный міръ человѣка. Золото, найденное на берегахъ Лены, ничѣмъ не отличается отъ золота, которое извлечено изъ розсыпей южной Африки. Есть не мало сортовъ каменнаго угля; но пудъ этого ископаемаго, добытый на Донцѣ, имѣетъ немного особенностей, которыхъ мы не находимъ въ каменномъ углѣ Вестфаліи или Пенсильваніи: а потому и не трудно изучить свойства этого минерала. Міръ растеній отличается уже большею сложностью. Если, на основаніи